

— Мы тогда туда, отмечаться. Как закончим — найдем вас! — Цичжи и Дафу вместе со своими отцами направились к нужному окошку регистрации, над которым висела табличка с номером их класса.

Гоудань со своими плелся в самом хвосте очереди. Он разглядывал толпу: кого-то провожали родители, другие приехали сами. У многих на груди висели туго набитые холщовые сумки, за спиной топорщились аккуратные прямоугольные тюки с одеялами и скатанные соломенные циновки, а в руках покачивались сетки-авоськи с мылом и зубными щетками. Сразу видно — натерпелись в дороге.

Ли Сы робко жался к сыну, боясь отступить хоть на шаг. Старик жутко нервничал: не дай бог сделать что-то не так и опростоволоситься перед городскими.

— Пап, шёл бы ты присел вон там, — кивнул Гоудань в сторону тенистого уголка. — Гляди, под боярышником каменные скамейки стоят. Специально для отдыха приладили.

Ли Сы глянул в ту сторону. На скамейках и правда всю теснились приезжие. Опустив взгляд на лежащие у ног узлы и коробки, он замялся:

— Да ну, чего там... Лучше тут побуду, вещи посторожу.

До них оставалось еще человек пятнадцать, так что Гоудань не стал настаивать. Он вытянул шею, с любопытством наблюдая за работой принимающей взносы учительницы. Та споро пересчитывала купюры, укладывала их в ящик стола, со звонким щелчком поворачивала ключ в замке и выписывала квитанции. Каждому новоиспеченному ученику она строго объясняла, в какое общежитие идти, куда сдавать зерно и где получать талоны на питание.

«Это ж сколько деньжищ через её руки за день проходит? — подумал Гоудань. — Наверное, голова кругом идет». В начальной школе за учебу платили гроши, но средняя школа — дело другое, тут расходы предстояли серьезные. И за саму учебу выложить немало, а ведь впереди еще траты на жилье и пропитание. Неудивительно, что у стоявшего рядом Ли Сы душа уходила в пятки. Отец всерьез опасался, как бы семье не пришлось голодать, лишь бы выучить сына.

Наконец подошла и их очередь. Гоудань протянул направление. Учительница глянула на бумагу и так и просияла:

— О, так ты Ли Кай?

Гоудань кивнул — на бланке ведь всё было черным по белому написано. Женщина расплылась в улыбке. Ей крупно повезло: этот парень был одним из тех редких отличников, кто сдал экзамены на высший балл. А педагоги всегда питали слабость к одаренным детям. Раньше она сомневалась, что деревенские ребята смогут обойти выпускников Первой уездной начальной школы — всё-таки качество образования в глуши хромало. К тому же сельские дети часто бросали учебу из-за бедности. Она искренне переживала, что самородок из деревни просто не

сможет приехать из-за нехватки денег, а он — гляди-ка, стоит перед ней!

Она с удовольствием принялась заполнять документы, ласково приговаривая:

— Если возникнут какие-то трудности, Ли Кай, сразу говори мне, не стесняйся. Посмотрим, чем школа сможет помочь. В городе поначалу будет непривычно, шумно, но ты не робей... — Гоудань молча ждал, пока она выпишет квитанцию. — Вот, держи. Я определила тебя в хорошую комнату. Там все ребята приличные, прилежные, будете тянуться друг за другом. Тебе повезло, как раз последнее место оставалось.

— Учительница... — прервал её излияния Гоудань.

— Что такое?

— А можно мне в другую комнату?

— Зачем? Я же выбирала как лучше.

— Вы сказали, что там только одно место осталось. Но мне обязательно надо поселиться вместе с Ван Сюанем. Вот он, — Гоудань указал на друга. — Мы всегда в одном классе учились.

— Ван Сюань? — Женщина торопливо пролистала списки. — Погоди, это тот самый второй отличник?

Она с удивлением уставилась на мальчика, и лицо её дрогнуло от восхищения. До чего же ладный малец! Светлокожий, аккуратный, с тонкими, благородными чертами лица. Если бы не адрес в анкете, учительница ни за что бы не поверила, что перед ней деревенский паренек — скорее уж сын какого-нибудь городского партийного чиновника или интеллигента. И пускай его серая куртка была сплошь в заплатках, природное изящество так и бросалось в глаза, мгновенно располагая к себе.

— Учительница, мы с братом Гоуданем хотим в одну комнату, — мягко произнес Ван Сюань. Чужие пристальные взгляды его давно не смущали — привык. Он лишь кротко улыбнулся: — Мы и в деревне всегда делили один кров.

— Вот именно, — поддакнул Гоудань. — К тому же тазы да ведра у нас общие, на двоих собирали. Если по разным углам расселите, набегаясь друг к другу.

Учительница перевела взгляд на нехитрый скарб в руках родеющего отца, вздохнула и покачала головой:

— Ну хорошо. Сейчас погляжу... Есть у нас палата побольше, там и народу побольше живет. Вот

эта подойдет?

— В самый раз! — тут же согласился Гоудань.

Она исправила номер комнаты в квитанции Гоуданя и быстро оформила документы для Ван Сюаня.

— Ступайте. Обустраивайтесь, а потом дуйте на склад — сдавать припасы в обмен на талоны. И помните: завтра после обеда жду вас в классе. Будем наводить порядок перед началом занятий.

— Дядя Чэнь, мы тогда вперед двинем, — обернулся Гоудань к деревенскому бухгалтеру. — Как освободитесь, ждите нас вон под тем вязом. Там и соберемся.

Бухгалтер Чэнь согласно кивнул. Его дочке полагалось женское общежитие, так что им в любом случае было не по пути. Он собирался сам устроить девочку, а уж потом вместе со всеми возвращаться в деревню.

— Общежитие Восточного ряда 1007... А восток-то у нас где? — Гоудань попытался воскресить в памяти висевшую у ворот схему усадьбы. Прикинув направление, он уверенно указал рукой: — Нам туда.

Он бодро зашагал первым. Следом, заметно повеселев после дорожной тряски, шел Ван Сюань, а замыкал шествие притихший Ли Сы с вещами.

— Вот она, нашли!

— Надо же, сынок, настоящий кирпичный дом, да еще и окна застекленные! Хорошо в городе живут, — восхитился Ли Сы. Увиденное привело его в полный восторг. Школа выделила отличное жилье — куда краше их покосившейся деревенской мазанки. И пускай побелка на стенах давно облупилась от времени, капитальная кирпичная кладка и прочный цементный пол внушали уважение.

Гоудань заглянул в приоткрытую деревянную дверь. Изнутри доносились голоса — кто-то уже заселился. Распахнув створку пошире, они вошли внутрь. Посреди просторной комнаты теснились массивные двухъярусные кровати из грубого дерева. Ни Гоудань, ни его спутники отродясь не видели ничего подобного. В Сикани спали на широких кирпичных канах, обогреваемых печью, а если у кого и водилась кровать, то самая обычная — сколоченная из широких сосновых досок.

А тут — один лежак прямо над другим!

— Высотища-то какая... А ну как во сне кувырком полетишь? — встревожился Ли Сы.

Осмотревшись, он заметил, что все нижние места уже заняты: на матрасах лежали чужие одеяла и узлы. Старик нешуточно разволновался. Это что же получается, его сыну придется спать под самым потолком? Дикость какая-то! О чем только школьное начальство думает, неужто не боятся, что дети расшибутся?

Отец растерянно перевел взгляд на сына. Гоудань и сам озадаченно чесал затылок — взбираться на верхотуру ему еще не приходилось. Заметив их замешательство, один из сидевших на нижней койке мальчишек негромко подал голос:

— Да вы не бойтесь, там же бортики прибиты. Не упадете.

Троица синхронно обернулась на звук. Парнишка под их тяжелыми взглядами заметно оробел и поспешно зачистил:

— Честное слово! Везде такие кровати стоят, никто еще не расшибся.

Гоудань опустил тяжелый взгляд на его койку. Паренек испуганно сжался и замахал руками:

— Ой, только не это! Я высоты до смерти боюсь, потому вниз и устроился. Вы... вы у кого-нибудь другого спросите, может, уступит.

Гоудань обвел взглядом комнату. Половины жильцов на месте не оказалось, а те немногие, кто уже успел разложить вещи, при встрече с угрюмым деревенским верзилой поспешно отворачивались или недовольно фыркали, утыкаясь в свои тюки.

— Давай наверху устроимся, как раз две койки рядом свободны, — тихонько потянул его за рукав Ван Сюань.

Ему приглянулся именно этот уголок под самым потолком.

— С бортиками ничего нам не сделается, — зашептал он другу на ухо, когда Ли Сы отвернулся.

— К тому же сверху спокойнее. Никто чужой в наши вещи без спроса не залезет.

— И то верно, — согласился Гоудань.

Он лихо взлетел наверх по деревянной лестнице. От его поступи хлипкая конструкция жалобно скрипнула и зашаталась. Давешний паренек внизу испуганно втянул голову в плечи. Слишком уж рослым и суровым казался этот пришелец из деревни — бедняга всерьез опасался, что кулаками заставят уступить козырное нижнее место. Поняв, что гроза миновала, он облегченно выдохнул и робко улыбнулся стоявшему рядом Ван Сюаню.

Ван Сюань ответил ему мягкой улыбкой и принял из рук Ли Сы сетку с умывальными

принадлежностями. Достав эмалированный таз, он огляделся. Сосед тут же услужливо подсказал:

— Во дворе колонка есть, там вода водопроводная.

— Спасибо, — вежливо отозвался Ван Сюань. Городские вежливые словечки давались ему с некоторым трудом — в родной глухомани разводить церемонии было не принято. — Я Ван Сюань, а его Ли Кай зовут. Мы из Сикани. Я сейчас быстро сполосну тут всё, а потом поболтаем.

— Ага, давай. А я Чжан Сяомин, — закивал тот.

Когда пыль с деревянных досок была стерта, Ли Сы развернул привезенные из дома соломенные циновки и передал ребятам. Койкам предстояло быть жесткими, но деревенских парней это ничуть не пугало: дома на канах они спали на точно таких же циновках, которые старик собственноручно сплел долгими зимними вечерами. Жесткое ложе — вещь привычная и для здоровья полезная.

Однако при первой же попытке застелить постель обнаружилась промашка: циновки оказались заметно шире казенных коек. Наставница в школе подробно расписывала правила учебы, а вот о точных размерах спальных мест умолчать изволила. Ли Сы сплел их по старой деревенской мерке, и теперь края нелепо топорщились.

— Ох, недоглядел... — засуетился старик. — Вы их пока вдвое подогните, сынки. А к следующему разу я посвободнее буду — новые, аккурат по размеру справлю.

Он тщательно измерил кровать локтями, что-то прикидывая в уме. Затем подошел вплотную и изо всей силы подергал защитное ограждение на верхнем ярусе.

— Крепко сбито, не оторвется, — вынес он вердикт. — Но вы все равно, как ложиться будете, к стенке жмитесь. Сильно-то не ворочайтесь, не ровен час — полетите на пол, костей не соберете.

Оставалось только уповать на их благоразумие.

Гоудань рассеянно угукнул, принимая узлы и укладывая их в ноги. Плетеный из бамбука сундучок с одеждой они открывать не стали — прямо так и оставили у стены, водрузив сверху глиняную крынку с соленьями в качестве гнёта. Закончив с делами, Гоудань чинно, ступенька за ступенькой, спустился по приставной лесенке вниз.

Ценные пожитки ребята рассовали по карманам, а Ли Сы взвалил на плечи мешок с зерном — пора было идти на склад. Городские порядки казались им диковинными: привозишь свое зерно, сдаешь его кладовщику, а тебе взамен выдают бумажные талоны на питание. На складе

припасы строго разделили на грубые корма и отборный рис, взвесили на огромных весах и наконец вручили заветную пачку разноцветных талонов.

Когда со всеми формальностями было покончено, солнце уже перевалило за полдень. Проголодавшиеся путники примостились на обочине у склада, достали приготовленные еще на рассвете кукурузные пампушки-вовотоу и наскоро перекусили ими вприкуску с соленой горчицей.

Глядя на сытых и устроенных ребят, Ли Сы понял: его отцовский долг на сегодня выполнен. Пора собираться в обратный путь.

Время — удивительная штука. Еще утром они хлопотали в родных стенах, а к обеду уже оказались в уездном городе. И теперь его сын останется здесь, среди чужих людей и каменных мостовых. Всего за несколько часов их привычный, годами устоявшийся мир раскололся надвое.

На душе у Ли Сы скребли кошки. Тоска подступала к самому горлу — шутка ли, отпустить дитя в такую даль? С самого рождения Гоудань рос у него на глазах. Каким бы тяжелым ни выдался день в поле, старик знал: вечером они соберутся за общим столом. А теперь в груди разливалась щемящая, горькая пустота.

— Ты это... учись прилежно, сынок, — шмыгнул носом старик, пряча повлажневшие глаза. — Учителей слушайся, с ребятами не вздори. Где надо — промолчи, уступи, от тебя не убудет. Характер-то свой крутой попридержи. Мы ведь далеко теперь, случись что — не набегаешься на выручку...

— Да знаю я, батя, всё знаю, — мягко ответил Гоудань. — Как каникулы объявят, мы с А-Сюанем сразу домой приедем. Ты там солонину-то в подполе не береги, ешь сам, не жди нас. Да про Дагуай с Сяогуаем не забывай, корми исправно.

Ребята твердо решили проводить отцов до самой автостанции. Как ни хорохорились, а оставаться один на один с чужим, холодным городом им было боязно. Раньше-то они каждый вечер возвращались под теплое родительское крыло и принимали это как должное. Теперь же, перед лицом неизвестности, на душу невольно наплывал глухой, липкий страх.

Ли Сы поначалу упирался, не желая тратить драгоценные гроши на билет. Мол, пешком дотопает, чай не барин.

— Да куда ты пешком-то? — заворчал Гоудань, легонько подталкивая отца к дверям автобуса. — Солнце уже к закату клонится, до полуночи не добредешь. Иди давай, садись.

Он решительно втиснул отца в салон последнего рейсового автобуса. Народу внутри было немного, так что старому Ли даже удалось занять свободное место у окна.

Ван Сюань тем временем быстро справился у кондуктора о стоимости проезда и молча протянул мятые купюры. Деньги отцу совать не стали — Гоудань отлично знал упрямый нрав своего бати. Стоило им отвернуться, как старик выскочил бы из автобуса и зашагал по пыльной обочине, лишь бы сберечь копейку. А путь до Сикани неблизкий, пешком полдня добираться. Благо сейчас ребята уже могли себе позволить такую трату.

Так Ли Сы вместе с односельчанами и уехал назад в глушь. Из-за вечной спешки они толком и уезда-то разглядеть не успели. Всё вышло точно так же, как и в прошлый приезд: примчались, наспех уладили дела — и сразу в обратный путь.

Проводив автобус глазами, Цичжи и Дафу притихли. Прежний юношеский восторг перед городской жизнью испарился без следа, уступив место унынию. Рядом шмыгала носом Сяоцзюань — глаза у девочки были совсем красными, видать, успела всплакнуть на плече у отца перед разлукой.

<http://bllate.org/book/19654/1996734>